

ЭНЦИКЛОПЕДИСТ XX века

Исполняется 110 лет выдающемуся ученому, чья научная деятельность связана с нашим городом двадцатилетним, самым плодотворным периодом. Как писал Д. Гранин, "тот, кто однажды столкнулся с Любищевым, будет снова возвращаться к нему". Действительно, раз столкнувшись с его мыслями и трудами, мы уже не можем обойтись без его всеобъемлющей энциклопедичности.

А. Любищев в кабинете. Ульяновск, 1965 г.

Имя Александра Александровича Любищева сейчас стало упоминаться рядом с именами К. Линнея, Д. Менделеева, Н. Вавилова, В. Вернадского... О Любищеве узнали широкие круги научной общности...

В том огромном потоке публицистики, исторических публикаций, статей... которыми характерна нынешняя гласность, происходит и поразительно быстрое старение работ. То, что вчера еще казалось острым, новым, сегодня становится тривиальным. Тем более странно для меня Neubывающая свежесть мысли А.А. Любищева. Она покоряет не столько смелостью, сколько внутренней свободой, нравственным достоинством и, прежде всего, совершенно своеобразной точкой зрения...

Даниил Гранин

“Двух станом не боец”

... Редкое качество воплощал в себе А.А. Любищев как ученый – умение сближать грани разных, казалось бы, наук, мыслью проникать в этот многогранный источник информации, создавать синтез знаний, взаимопроникновение добытых истин. И – блестящая, редкая по глубине и последовательности эрудиция. Это – основное в его личности, что привлекает к себе многих ученых, специалистов разных областей науки и искусства, студентов, людей, случайно открывших имя Любищева в оставленном им гро-

мадном научном и литературном наследии.

Он и при жизни был овеян легендой. Кто он? Перечислять необходимо, но это не очертит даже силуэта Любищева. Систематик-биолог, эволюционист, энтомолог, литературовед, математик, историк, философ... Его знания распространялись буквально на все. Сам он писал в статье “Каким быть?": “Есть хорошее изречение: надо знать все о кое-чем и кое-что обо всем. Умственная культура человека должна строиться не в одном направлении и не в одной плоскости, а по крайней мере в двух-трех, взаимно-перпендикулярных направлениях; такой принцип.... обуславливает целостность и прочность всего мировоззрения человека...”.

Когда мы говорим об интеллигентности, вспоминаем сразу о приоритетах культуры поведения, “благопристойности”, правильной речи, “уровне” чтения, а почему-то забываем о знаниях, способности мыслить, эрудиции, умении обосновать свою мысль, уважая противоположное мнение, забываем, наконец, об общей этической концепции того или иного человека. Правоммерно назвать Любищева интеллигентнейшим русским ученым.

“Полагаю возможным сформулировать такую общую формулу этики, которая может обнять все существующие формулы этики великих мыслителей. Поступай так, чтобы твое поведение способствовало прогрессу человечества, выражающемуся в победе духа над материей”.

Интересны и неожиданны мысли как литературного критика. Он ломает привычное восприятие образов литературных кумиров.

“Я считаю, что гуманизм Достоевского весьма сомнителен... Тут просто нехватка воображения: человек доброго сердца не может убить другого человека, которого он видит, и с легкостью сердца соглашается или будоражит войну, где гибнут десятки тысяч, которых он не видит. Я очень люблю цитировать Б. Шоу из его великопленной трагедии “Святая Жанна”: “Неужели Христос должен быть распинаем каждое столетие, чтобы спасти людей, у которых нет воображения?” ... Любопытно, что уже Мережковский обратил внимание, что никакого раскаяния Раскольникова нет, и я пришел к тому же заключению, но литературоведы упорно бубнят о раскаянии”.

Не менее интересны исторические экскурсы Любищева. Так, в “Апологии Марфы Борецкой” он рассуждает: что было бы, если бы Иван III не разграбил Великий Новгород. Эволюция в противовес револю-

ции – основа исторической аргументации Любищева. Личность Ивана Грозного, возводимую историками в ранг “высоких государственных деятелей”, для себя Любищев свел до нуля: “великий негодай”, отброс русской истории; ученый был убежден, что историю творят отнюдь не только личности.

Профессиональный биолог, он честно и открыто сражался за науку. Сведения о результатах поврежденных посевов якобы различными насекомыми оказывались сомнительными. Он ездил, проверял, путешествовал по селам. С цифрами в руках он доказывал, насколько бесхозяйственность и нерадивость вреднее воображаемых вредителей. Это досталось ему дорогой ценой – чуть не поплатился ученым званием. Он принадлежал к редкому типу кабинетных ученых, был чрезвычайно легок на подъем – во всем, что касалось и работы, и жизни. Он ратовал за думающего ученого. **“Разрешите написать со всей резкостью: ученый, не имеющий времени на размышление... - конченный ученый, и если он не может переменить режим, чтобы иметь достаточно времени на размышление, то ему лучше бросить науку”.**

Многие ученые были благодарны Любищеву за разумную, острую критику. “Чего он не терпел, так это бесспорных истин, уверенности, категоричности суждений” (Д. Гранин “Эта странная жизнь”).

Фантазер, еретик, интуитивист, идеалист, антидарвинист. Время срывает ярлыки. И сквозь все эти обвинения выступает настоящий Любищев – преданный совести и науке. К его мнению прислушивались. Его непечатавшиеся работы ходили по рукам, и отовсюду приходили отклики, чему А.А. Любищев очень радовался.

“Истинный ученый и искатель истины... не прекращает спора до тех пор, пока не убедится, что понял всю аргументацию противника. Серьезный спор может быть кончен тогда, когда автор может изложить мнение противника с той же степенью убежденности, с какой его излагает он сам, но потом прибавить рассуждения, показывающие корни предрасудков противника”. Фактами, примерами он освобождал от плесени и заблуждений научную этику...

Объем архива Любищева превышает 2000 печатных листов: это более 100 томов! За последние пять лет своей жизни написал более 4,5 тысячи писем... Любищев называл себя счастливым неудачником: хотел построить новую теоретическую биологию на основе гармонии и порядка в мире – не успел. И не потому, что не хватило еще одной жизни, а потому, что Наука – бесконечна.

Олеся Козина

Искатель Истины

Что нужно знать о Любищеве, чтобы понимать его по самому высшему счету?

Немногое. Он стал заметнейшим из искателей Истины в 20 веке. Чтобы понять, что же есть Истина, им искомая, нужно просто написать уравнение

Истина = формула, способная охватить все формы живой природы.

Тщательное, напряженное, интенсивное всматривание во все, что есть на свете, сделало Любищева

причастным к ключевым проблемам знания, которые вот-вот должны были решиться в переворотной атмосфере 20 века. Почему-то не решались...

20 век – время самой романтической массовой веры в мощь человеческого разума, век веры, подтверждаемой бурным развитием техники и числом благ, получаемых вследствие этого.

Массовая вера 20 века – Его Величество Человек. Человек – созидатель нового мира, человек-деятель, делатель новой жизни для себя и своих потомков.

Молодой Любищев – сильный, высокообразованный, он жаждет работы. Какой? Великой. Это в духе времени. А в духе знаний, полученных в университете, он видит, что развитие биологии отстает. В химии уже произошла математическая революция, произошла уже давно в 1869 году, когда Менделеев открыл периодический закон. То же должно быть и в биологии. В ней следует сделать свою систему – Систему живых организмов. Это и есть лучшая задача для вдохновенного человека.

Когда впервые узнаешь о Любищеве, о Человеке, поставившем себе вышеозначенную задачу, становится не по себе – уже потому, что ни в школе, ни в институте никто о нем не сказал. Ты, житель эпохи воспитания на героических примерах, житель города, где совсем недавно жил Любищев, видишь, что эпоха не узрела главного своего героя и не сделала из него примера для молодежи. Ты – художник, и вдруг видишь Художника, поставившего важнейшую задачу эпохи (современный писатель Трифонов полагал высшим назначением художника обостренную постановку современных проблем). Сейчас-то ты понимаешь, что жил в державе умолчания таких героев, впрочем, потребность в них уже витала и в официальном воздухе.

Любищев известен как биолог и одновременно как человек, вознамерившийся открыть закон саморисования всех форм природы. Он прежде всего художник! Это остальные (все, кто срисовывает и списывает) просто биологи и просто художники-исполнители. Он же – соискатель духа Творца, нарисовавшего сей прекрасный и яростный мир.

Вроде бы никакого поэтического грома, всего одна сногшибательная идея, освещавшая жизнь пророка, жившего в Ульяновске... Пример неслыханной ранее героики, поражающей, как молния. После ее удара одни начинают замечать инопланетян, иные, как ничего не замечали, так и остались слепы, а третьи видят саму формулу и как она рисует все, что есть на свете.

Далее формула начинает объяснять все то, что пытался объяснить Любищев, и делает это лучше его самого, и она начинает восприниматься тобой как лучший из мудрецов всех времен и народов.

Жил человек, его дух породил множество форм, не вещественных, но существующих отдельно от вещей. Это его тексты, его поступки и фразы, оставшиеся в памяти современников. Жизнь Любищева продолжается в этих виртуальных формах. Читайте его тексты, спрашивайте, пытайтесь о нем тех, кто его знал. Он, безусловно, в них переселился. Даст Бог, переселится и в вашу память, чтобы возжечь в ней костер познания Истины.

Александр Зинин